

ворах региона заметно влияние общерусского словаря и заимствований из языков местных этносов: *бутырки, деревня, выселок, город, городок, заимка, зимовье, кордон, новоселки, острог, погост* (жилые постройки около кладбища), *починок* (изначальное поселение), *село, слобода, стан* (*станец, станца, станок*), *стойбище, хутор, чум, юрт*.

Таким образом, эндемические материалы на современном синхронном срезе свидетельствуют о функционировании автохтонных в этнолингвистическом плане систем терминологической и номенклатурной лексики. Взаимодействие географических апеллятивов можно квалифицировать как спорадическое явление, хотя в процессе длительного лингвистического контактирования сохранились незначительные лексические реликты прауральской языковой группы.

Мы исключили интерпретацию апеллятивной лексики, касающейся обозначения предметов быта, хозяйственных орудий, эндемической флоры и достаточно богатой фауны. Однако это обстоятельство не искажает общей картины языкового взаимодействия автохтонного населения. Географические термины и номены, будучи словами и словосочетаниями, сплошь и рядом номинативны (Толстой, с. 18). Они призваны служить знаком разграничения природной среды. Это достоверный исторический пласт лексики, тесно связанный с жизнью и деятельностью местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березникова Р. Е. Место номенов в лексической системе языка // *Имя нарицательное и собственное*. М.: Наука, 1978.
2. Бондарук Г. П. Русские местные географические термины в топонимии Центра // *Топонимия Центральной России*. М.: Мысль, 1974.
3. Воробьева И. А. Западносибирские нарицательные географические термины, относящиеся к водным объектам // *Языки и топонимы Сибири*. 3. Томск, 1970.
4. Мурзаев Э. М. *Словарь народных географических терминов*. М.: Мысль, 1984.
5. Розен М. Ф., Малолетко А. М. *Географические термины Западной Сибири*. Томск, 1986.
6. Суперанская А. В. *Апеллятив-онома* // *Имя нарицательное и собственное*. М.: Наука, 1978.
7. Толстой Н. И. *Славянская географическая терминология*. М.: Наука, 1969.
8. Фролов Н. К. *О путях классификации географических терминов и номенов* // *Языки и топонимия Алтая*. Барнаул, 1981.
9. Фролов Н. К. *Стратиграфия автохтонной топонимии нижнего Пообья*. Красноярск, 1986.
10. Он же: *Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья*. Тюмень: Изд-во ТГУ, 1996.

*Александра Павловна УШАКОВА —
доцент кафедры общего языкознания
филологического факультета ТГУ,
кандидат филологических наук*

УДК 808.2-5

О СВЯЗИ МЕСТОИМЕНЕЙ ЕГО, ЕЕ, ИХ С ОПРЕДЕЛЯЕМЫМИ СЛОВАМИ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется не получивший однозначного решения вопрос о связи местоимений *его, ее, их* с определяемыми словами. Привлекаются диалектные, исторические данные, а также материал, извлеченный из произведений современной художественной литературы.

This article studies the problematic question of the interrelation between the Russian pronouns «ego, ee, ix» with the words they determine. To consider this question the author uses dialectal and historical data and examples taken from modern literature.

Местоимения играют важную роль как в процессе общения, так и в процессе исторического развития языка. Однако до настоящего времени не существует единообразного толкования термина «местоимение». В лингвистической литературе обращается внимание на спорные вопросы: можно ли относить местоимения вообще к самостоятельным частям речи, имеют ли они значение, следует ли относить к местоимениям те их разряды, которые формально соотносятся с прилагательными и т. п. (26, с. 6; 21, с. 531, 540; 10, с. 244).

Предметом нашего исследования являются местоимения *его, ее, их*. Из всех притяжательных местоимений данные формы претерпели больше изменений в историческом развитии русского языка, а также других славянских языков. В современном русском литературном языке лично-притяжательные несклоняемые местоимения *его, ее, их* используются для выражения принадлежности только третьему лицу.

В некоторых исследованиях русского языка слова *его, ее, их* относят к личным местоимениям третьего лица в форме родительного падежа. (2, с. 396; 27, с. 290 — 291; 4, с. 296 и др.). То же находим в работах исследователей украинского, польского языков. (5, с. 132 — 133; 20, с. 173).

До настоящего времени не получил однозначного решения вопрос о виде связи местоимений *его, ее, их* с определяемыми словами.

Указанные факты имеют историческую основу. Еще общеславянскому языку были известны указательные местоимения *и, я, е*, родительный падеж которых *его, ее, их* использовался в значении принадлежности третьему лицу (здесь и дальше местоимения *его, ее, их* даем в русском оформлении).

В процессе исторического развития именительный падеж исчез, а косвенные падежи сохранились и употреблялись как косвенные падежи указательного местоимения *он*. (30, с. 97; 2, с. 117). До конца XVI — XVII веков местоимения *его, ее, их* называют управляемыми формами родительного падежа указательных местоимений. (10, с. 229).

И пока *его, ее, их* были формами указательного местоимения *он* и сохраняли связь с другими указательными субстантивами, отношения между ними и существительными в сочетаниях типа дочь его-дочь того (человека) были ясны. Это были отношения управления (26, с. 125 — 126).

Но, видимо, когда местоимение *он* утратило атрибутивную функцию и вошло в разряд личных, притяжательные местоимения *его, ее, их*; семантически стабилизировались, обособились в значении принадлежности и перешли в группу притяжательных местоимений, получив парадигматическую связь с *мой, твой, наш, ваш*.

Рассмотрим функционирование местоимений *его, ее, их* в посессивном значении на материале современного русского литературного языка.

В отличие от лично-притяжательных местоимений первого и второго лица местоимения третьего лица не имеют категории падежа. Если род, число и падеж лично-притяжательных местоимений первого и второго лица, а также местоимения *свой* ориентированы на предмет притяжания: мой дом, твоя жена, наша квартира, свои деньги, то категории числа и рода, присущие притяжательным местоимениям третьего лица, в словосочетании не реализуются (его семья, дом, дети, ее семья, дом, дети, их семья, дом, дети) (3, с. 54).

Выбор форм *его, ее, их* зависит от рода и числа лица владеющего. Приведем примеры из современных текстов: ...спросила Антонина у девочки, неотрывно глядя в ее темные большие глаза (6, с. 51); ...женщина сказала тихо... Я сейчас должна умереть... Только в эту минуту начальник отделения заметил в ее посиневшем кулаке маленький револьвер (25, с. 69); Вера Юрьевна прикрыла ладонью глаза. Все трое глядели на ее слабую худую руку... (25, с. 230); Потом Рожков сел на пенек... Андрей заглянул через его плечо (7, с. 117); Так бывает только со смертью хозяина, хозяйки, когда их обиталище остается без них, сиротским, покинутым (6, с. 88); Тут Петр Житов... Приятели его, увлеченные разговором... (1, с. 349); Трудные версты длинного пути были в усталости исхудалых, с выпиравшими ребрами лошадей, в их вяло поникших головах (6, с. 48).

Таким образом, мы видим, что местоимение *ее* указывает на принадлежность владельцу женского рода, местоимение *его* — владельцу мужского рода, *их* — нескольким владельцам независимо от их рода. С определяемым словом, предметом принадлежности, нет согласования у местоимений *его, ее, их*.

Здесь можно согласиться с В. И. Собиной: «Что касается вида связи определения с определяемым словом, то мы имеем... не столько управление, сколько соотношение застывшей падежной формы с определяемым словом, господствующим в смысловом отношении» (24, с. 139). Но мы определяем эту связь традиционно, как примыкание.

Если рассматривать местоимения *его, ее, их* в отношении лица владеющего, здесь также связь-примыкание, так как: 1) между лицом владеющего и местоимениями третьего лица имеются смысловые связи; 2) от рода, числа владельца зависит выбор неизменяемых форм одного слова *его, ее, их*. Таким образом, наблюдается своеобразное согласование в роде и числе.

В современных текстах рассматриваемые местоимения используются со значениями принадлежности предмета лицу, дружеских и родственных отношений, части тела. С последним значением случаев больше. О том, что местоимения *его, ее, их* чаще всего определяют существительное, значение которого — часть тела, для XVIII века говорится в работе Т. Н. Дорожкиной (8, с. 7). Другие значения аналогичны перечисленным нами для современного периода. Приведем несколько примеров: ...руки ее опять беспокойно... (1, с. 305); минуту назад в ее доме (6, с. 106); Муж ее был партийный... (6, с. 77).

По отношению к определяемому имени в текстах наблюдается преимущество препозиции местоимений *его, ее, их*, хотя много случаев и использования их в постпозиции. Постпозитивная постановка местоимений в текстах современных авторов часто объясняется желанием выделить значение определяемого имени. В поэтических произведениях это бывает связано с ритмом и рифмой. Обращает на себя внимание более частое использование постпозиции местоимений *его, ее, их* при определяемом имени в значении части тела. Преимущественно такие конструкции характеризуют волнение, переживание героев, например: Но в глазах его Антонина прочла, что было у него на языке (6, с. 50); ...но сердце его лежало к другим (1, с. 27); В ушах ее еще звучал голос Аверьяна (6, с. 106); Руки его тряслись... (6, с. 55); Руки ее остыли. Но жизнь в ней держалась. Антонина... вслушивалась, сердце ее ныло, болело... (6, с. 6); Зуавы вскочили. Глаза их дичали... (25, с. 61) и т. п.

Таким образом, постпозиция местоимений может использоваться в определенных целях, но иногда она бывает нейтральной. В целом наши на-

блюдения не расходятся с наблюдениями исследователей, указывающих на преимущественное использование препозиции местоимений *его, ее, их* в современном русском литературном языке. (4, с. 269; 23, с. 213). Видимо, имеют значение и следующие причины: 1) в современном русском литературном языке формы *его, ее, их* неуправляемые; 2) это определения, хотя и несогласованные, а для определения характерна препозиция.

Необходимо отметить, что расположение местоимений *его, ее, их* по отношению к определяемому слову не было одинаковым в разные периоды истории. Так, для предшествующего времени ученые отмечают преимущественное использование местоимений *его, ее, их* в постпозиции по отношению к определяемому слову (16, с. 61; 11, с. 132).

Подтверждение этому — материал книги И. Т. Посошкова. В его произведениях чаще всего используются сочетания «сущ. + мест. *его, их*», например: ...хотя холоп ево... (17, с. 98); дом его оставлен... (17, с. 90); а где офицеры их стоят... (17, с. 44); ...колико в доме его ни есть (17, с. 230). Полагаем, что И. Т. Посошков, используя постпозитивные местоимения, часто следует традиции. Возможно, постпозиция объясняется влиянием словосочетаний с существительным, обозначающим владельца: книга брата — книга его. Постановка местоимений в постпозиции объясняется также публицистической направленностью произведения, стремлением выделить логически определяемое имя.

В анализируемых текстах рассматриваемые местоимения не относятся к субъекту принадлежности того предложения, в котором находится обозначение предмета принадлежности (в этом случае используется местоимение *свой*). Основная функция местоимений *его, ее, их* — указание на принадлежность лицу владеющего, находящемуся в предшествующем предложении или предшествующей части сложного предложения, например: Вошел Александр Левант. Зонт его, концы брюк и башмаки были мокры (25, с. 351). Таким образом, слово, называющее владельца, является подлежащим.

Намного реже лицо владеющего может быть дополнением предшествующего предложения или предшествующей части сложного предложения: Дмитрий Васильевич несколько раз изумленно поглядывал на Ольгу Вячеславовну: какая ее муха укусила? А когда садился на коня, увидел ее свирепые потемневшие глаза (25, с. 88).

Из приведенных примеров видим, что лицо владеющего не является производителем действия того предложения, в котором находится предмет принадлежности. Если лицо владеющего является производителем действия того же самого предложения, то оно выступает в качестве однородного члена по отношению к предмету принадлежности. Последний также является производителем действия. Такие случаи единичны: Три французских дворянина и их друг совершали чудеса храбрости (25, с. 300); Руф и его компаньоны остались удовлетворенными объяснениями инженера (25, с. 24). Аналогичные случаи находим в произведениях А. С. Пушкина: Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо (18, с. 320).

Итак, местоимения *его, ее, их* выражают принадлежность относительно третьего лица, когда оно не является подлежащим того же самого предложения. Исключения в наших текстах редки. На эту особенность лично-притяжательных местоимений указывают некоторые исследования (2, с. 396; 15, с. 38; 26, с. 122–123). Анализируемые местоимения могут находиться при определяемом имени: дополнении, реже — подлежащем, в единичных случаях — входить в составную часть именного сказуемого.

Местоимения *его, ее, их*, как и местоимения *мой, твой, наш, ваш*, могут осложняться другими значениями, проявленными в контексте и связанными с его содержанием. Так, они могут использоваться в переносном значении: а) местоимение *его* входит в состав устойчивого выражения при названии высокопоставленного лица, например: *его высокоблагородие господин капитан* (25, с. 87); в свите *его* величества (25, с. 121); б) местоимения *его, ее, их* в составе других фразеологизмов, более употребительных и характерных для современного состояния языка, например: *Затем на ее крючок налетел тот, для кого она и сидела в «Гранд-отеле»* (14, с. 278); *...как будто Катя вправду была ему родной... росла... под его рукой и защитой* (1, с. 115); *...самое для завода важное лежало на их плечах* (6, с. 58). Имеются случаи с использованием сочетания местоимения с существительным в качественном значении, например: *да его песен тут не знали* (1, с. 100); *...пока дело не доходило до его любимого конька. А запевали «конька» — и он плакал* (1, с. 325); *И горланили, как назло, ее любимую — о ней и об Иване* (1, с. 306).

Как показывают современные тексты, рассматриваемые местоимения являются застывшими формами одного слова. Формально они совпадают с родительным падежом личного местоимения третьего лица, семантически могут указывать на принадлежность не только лицу, но и неодушевленному предмету, синтаксически являются несогласованным определением со связью примыкание.

Вероятно, не прямые связи притяжательных местоимений *его, ее, их* и определяемых слов вызвали к появлению в народных говорах согласованных форм местоимений, таких как: *егов, еговый, негов, евоный, евонов, ейный, евошный, евойный, ихний* и т. д. (12, с. 135; 14, с. 96; 13, с. 129–133). Подобные местоимения отмечаются также в атласе белорусских говоров (9, с. 731–732). Об их использовании в украинском языке свидетельствует Н. В. Гуйванюк (5, с. 133–134). Нами отмечены формы *ейный, евоный* в говорах Калининской области.

«Из бессуффиксальных притяжательных местоимений широко употребляются *иха, ихо, ихи...* как родоизменяемые в соответствии с определяемым» (26, с. 127).

Об изменении по родам и склонении местоимения *их* в говорах сообщил еще Ф. И. Буслаев (2, с. 118).

Е. П. Луппова пишет, что некоторые местоимения пока не зафиксированы в словарях (13, с. 140). Указывается на дальнейшее самостоятельное развитие местоимений в том или ином живом диалекте (22, с. 170). По-видимому, указанные местоимения были образованы в говорах давно. Так, Ф. И. Буслаев отмечает наличие местоимения *егов* в церковнославянском языке, в областном русском — *евоный, ейный, ихний* (2, с. 396). А. А. Потеня, А. А. Шахматов и другие лингвисты свидетельствуют о наличии этих местоимений в областной и простонародной речи (19, с. 383; 27, с. 291).

Подобные притяжательные местоимения образуются от литературных форм *его, ее, их* путем присоединения суффиксов прилагательных. Наиболее употребительны суффиксы *-ов, -н, -нн* (12, с. 135; 13, с. 140; 14, с. 96). Из всех перечисленных местоимений только *ихний* локально не ограничено в русском языке и является просторечным.

Появление указанных слов в народных говорах связано со стремлением к выравниванию основ 1) по образцу с притяжательными прилагательными; 2) притяжательными местоимениями *мой, твой, наш, ваш, свой* (26, с. 125). М. В. Федорова отмечает также: «Стимулом является, видимо,

то, что и притяжательные местоимения, и прилагательные выполняют в предложении обычно роль определения...». (26, с. 125). И. С. Меркурьев полагает, что указанные местоимения возникли при необходимости иметь специальные формы притяжательных местоимений не только первого и второго, но и третьего лица (14, с. 99).

В языке писателей используются лишь самые распространенные в говорах формы преимущественно для передачи речи персонажей. Так, мы выявили наличие местоимений *ейный*, *ихний* в произведениях Ф. Абрамова, Ю. Гончарова. Указанные местоимения используются с теми же значениями предмета принадлежности, что и другие притяжательные местоимения (не наблюдается преимущества значения части тела, что характерно для местоимений *его*, *ее*, *их*). Например: ...в ихнем доме (1, с. 210); ...ихние топоры (1, с. 9); А брат ихний... (1, с. 272); От ейной кофты (1, с. 508); ...свекор ейный... (1, с. 272); Бориса ейного видал? (1, с. 333). В роде, числе и падеже притяжательные местоимения *ейный*, *ихний* согласуются с определяемым именем, в то же время выбор формы местоимения зависит от рода и числа лица владеющего. Приведем несколько случаев: Свет потух в глазах у Анфисы Петровны... Нет, знал, знал сынок дорогой, что такое это кольцо, какая святыня в ихнем доме (1, с. 456); Лиза... Глазом не моргнул Паха. Хлопнул еще полнехонький стакан ейного вина... (1, с. 412).

Местоимения *ейный*, *ихний* в наших примерах указывают на лицо владеющего, названного в предшествующем предложении, реже — в предшествующей части сложного предложения (в этом нет расхождения с литературными формами лично-притяжательных местоимений *его*, *ее*, *их*), например: Где-то там — было в рассуждениях баб — это зачтется и в ответ кто-то тоже поблагодарит и приветит ихних мужиков (6, с. 37); Лукашин... хмыкнул: тоже мне невинная девица! Как будто ему в новинку подкармливаться в ихнем доме (1, с. 164).

В большинстве случаев притяжательные местоимения *ейный*, *ихний* находятся при дополнении, реже — подлежащем. По отношению к определяемому имени местоимения *ейный*, *ихний* в основном ставятся в препозиции. Постпозиция подчеркивает значение определяемого слова, например: А брат ихний почти целый месяц в Москве выжил — это как? (1, с. 272).

Таким образом, в народном языке наблюдаются более простые связи между притяжательными местоимениями третьего лица и определяемыми словами. Однако в современном русском языке сохраняются в качестве литературной нормы несклоняемые формы местоимений *его*, *ее*, *их* со значением принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Ф. Пути — перепутья. Дом. Собр. соч. в 3-х т. Т. 2. Л., 1981.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
3. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
5. Гуйванюк Н. В. Средства выражения притяжательности в украинском литературном языке (на материале произведений писателей XIX—XX вв.). Дис. канд. филол. наук. Черновцы, 1977.
6. Гончаров Ю. Нужный человек. Воронеж, 1973.
7. Гончаров Ю. В сорок первом // Гончаров Ю. Поле сражения. Воронеж, 1977.
8. Дорожкина Т. Н. Стилистические возможности словосочетания в литературно-письменном языке XVII века. На материале местных деловых памятников / Лингвистическое краеведение Прикамья. Сб. науч. тр. Пермь, 1978.

9. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
10. Жихарева Н. Д. К вопросу о выражении принадлежности в истории русского языка // Уч. зап. XXV. Краткие очерки по русскому языку, 2. Курск, 1966. С. 227 – 233.
11. Иванова Т. А. О содержании категории притяжательности // Вестник Ленинград. ун-та. 1975. № 8. Серия истории, литературы, языка. Вып. 2. С. 171 – 174.
12. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
13. Лупшова Е. П. Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му лицу, в говорах русского языка // Диалектная лексика 1977. Л., 1979. С. 129 – 140.
14. Меркурьев И. С. Притяжательные местоимения в говоре старинных русских поселений Мурманской области // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. 1968. Т. 402. С. 90 – 101.
15. Маловицкий Л. Я. История предметно-личных местоимений русского языка в семантико-синтаксическом аспекте. Автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1972.
16. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946.
17. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 13 – 244.
18. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1975. Т. 5. С. 239 – 245.
19. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
20. Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на материале польского языка) / Грамматическое описание славянских языков. М., 1974. С. 171 – 176.
21. Русская грамматика. М., 1980. В 2-х т. Т. 2.
22. Русская диалектология. М., 1972.
23. Розенталь Д. Е. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.
24. Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961.
25. Толстой А. Повести и рассказы. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1972. Т. 4.
26. Федорова М. В. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1965.
27. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
28. Шолохов М. Рассказы. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1975. Т. 7.

*Наталья Николаевна ГОРБАЧЕВА —
доцент кафедры
русской литературы
филологического факультета*

УДК 882.09+929

МОТИВ ИСТОРИИ В ПРОЗЕ К. Я. ЛАГУНОВА («ИРИНАРХ», «И СИЛЬНО ПАДАЕТ СНЕГ»)

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой опыт анализа проблематики и поэтики исторических повестей К. Я. Лагунова. Объектом исследования являются документальное жизнеописание «Иринарх» и документальная хроника «И сильно падает снег», созданные в 1992 г. Произведения рассматриваются в общем контексте художественных поисков прозы об истории второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. Предмет анализа — мотивная структура, тип героя, стилевые особенности, пространственно-временные характеристики, поэтика заглавия и др. поэтические элементы. В процессе анализа выявляются особенности диалога автора, героя и читателя, выходящего за рамки текста.